

Информационное общество: политика и факторы развития

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО МНОГОПОЛЯРНОГО МИРОПОРЯДКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Статья рекомендована к публикации главным редактором Т. В. Ершовой 12.04.2024.

Татунц Светлана Ахундовна

*Доктор социологических наук, кандидат исторических наук, профессор
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, факультет мировой политики,
профессор
Москва, Российская Федерация
S.Tatunts@fmp.msu.ru*

Аннотация

Мировой порядок после окончания холодной войны, просуществовал до тех пор, пока существовала реальность, ее породившая. Появление ШОС, БРИКС и других интеграционных группировок вне рамок глобального доминирования США идет вразрез с американскими национальными интересами. Война Запада с РФ на Украине как субститут мировой войны обострил глобальное информационное противостояние. Этот конфликт выглядит как конвульсия системы порядка с «вечным» гегемоном, который переживает внутренний политический и мировоззренческий кризис. Концептуальная основа статьи отражает идеи школы политического реализма и концепции Е. Месснера о всемирной асимметричной, психологической войне – «мятеж войны». Автор рассматривает картину информационной войны в условиях неупорядоченности мирового порядка и противостояния глобального Севера и новых центров силы.

Ключевые слова

мировой порядок, информационная война, информационно-коммуникационные технологии, ИКТ, искусственный интеллект, ИИ, гибридная война

Введение

Биполярный мир эпохи «холодной войны», просуществовавший с середины XX в., в начале 1990-х годов начал переформатирование в однополярную систему с центром в США. В ходе глобализации поднялись на мировую арену Китай, Индия, Россия, Бразилия, ЮАР и т. д. в качестве возможных альтернативных центров силы на разных континентах. Очевидно, что мир постепенно трансформируется и обретает новый облик – многополярный и **многоцивилизационный** (по определению С. Хантингтона), с мультиплековым развитием, где ни одна страна не может главенствовать, и поведение основных игроков на мировой арене определяется не только политико-экономическими, но и культурно-цивилизационными предпочтениями и общностями [10, 16].

В таком многополярном мире есть группы стран (ШОС, БРИКС), обладающих достаточным экономическим весом и рычагами для реализации автономных стратегий, отличающихся от направлений глобального центра силы. Здесь именно Китаю и Индии отводится особая роль, т. к. именно они могут стать «новыми полюсами международной системы, в то время как страны Европы отойдут на периферию» [18].

Парадигму многополярности многие страны считают более взвешенной системой, позволяющей учитывать многообразие мира, и устранить растущий разрыв между разбогатевшим «Севером» и «Югом». Она воспринимается как более справедливый мировой порядок. После начала СВО на Украине в феврале 2022 г. и последовавшего санкционного давления «коллективного Запада» на Россию, структура международных отношений в мире полностью изменилась и

© Татунц С.А., 2024

Производство и хостинг журнала «Информационное общество» осуществляется Институтом развития информационного общества.

Данная статья распространяется на условиях международной лицензии Creative Commons «Атрибуция — Некоммерческое использование — На тех же условиях» Всемирная 4.0 (Creative Commons Attribution – NonCommercial – ShareAlike 4.0 International; CC BY-NC-SA 4.0). См. <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/legalcode.ru>
https://doi.org/10.52605/16059921_2024_03_02

похоронила монополярный миропорядок, который некоторые исследователи еще в начале 1990-х годов называли «мировым беспорядком» [14].

1 Формирование нового многополярного миропорядка

Для того, чтобы предотвратить хаос, новый многополярный миропорядок нужно выстраивать так, чтобы между главными акторами был достигнут консенсус с сохранением международно-правового режима, выработанного на базе Устава ООН. В этих целях страны БРИКС на своем XV саммите в ЮАР в августе 2023 г. договорились о совместной борьбе за включение в Совет Безопасности ООН в обозримом будущем Индии, Бразилии и ЮАР, «в силу своего потенциала оказывающих значительное влияние на решение ключевых международных вопросов», как обосновал эту инициативу президент В.В. Путин [7].

Главным итогом последнего саммита БРИКС стало согласие на прием шести новых стран в этот блок: Аргентина, Египет, Эфиопия, Иран, Саудовская Аравия и ОАЭ. Аргентина при новом руководстве выразила недовольство решением прежних властей и отказалась от вхождения в БРИКС. Это объединение становится мощным элементом в становлении нового многополярного миропорядка. Здесь живет 40% населения мира, а совокупный ВВП (рассчитанный на базе паритетной покупательской способности) уже превышает ВВП стран G7. Кроме того, еще 14 стран подали заявки на вступление в БРИКС, а интерес к членству в нем выразили еще 16 стран [2].

Возрастают как **экономическая мощь, так и финансовые возможности** взаимной помощи членов БРИКС. За первые восемь лет своего существования созданный блоком Новый Банк Развития (НБР) выдал инвестиционных кредитов на 33 млрд долларов США, а в 2023 и 2024 гг. всего за два года уже планируется сумма в 18 млрд долларов. Согласно своей генеральной стратегии, НБР ведет жесткую **политику дедолларизации**, и в 2022-2026 гг. свыше 30% займов будут выданы уже не в долларах, а в валюте стран-участниц [17].

РФ сегодня выполняет уникальную миссию по поддержанию глобального баланса сил и выстраиванию многополярной системы на основе объединительной и конструктивной повестки дня. Не удивляет тот факт, что в Европе об этом есть диаметрально противоположные мнения. Так, например, новая «Национальная стратегия по безопасности» ФРГ признает переход от однополярного к «более многополярной международной обстановке», но считает этот миропорядок менее стабильным, называя именно Россию «самой большой угрозой для мира и безопасности в обозримом будущем» [11, 22].

В пользу многополярности мира немецкие идеологи сомневаются, считая ее переходным состоянием современного миропорядка, — «сказкой», выдающей желаемое за действительное, и несущей нестабильность и подверженность кризисам, в то время как гегемония одной страны (однополярность) якобы гарантирует «стабильность в течение длительного периода» [15, 1].

Однако сегодня мир отходит от такого однополярного господства США, и другие державы, в первую очередь страны БРИКС, поднимаются, спланиваются и все больше эмансипируются от Запада. Кроме них, игроками будущего считают Мексику, Нигерию, Индонезию, Турцию и др., благодаря которым могут возникнуть региональные блоки. Это впоследствии может привести к формированию перманентного многополярного миропорядка, как бы там европейские аналитические институты ни «играли» на индокитайских геополитических разногласиях и экономической слабости России (ВВП которой, сопоставим с ВВП Италии). Они никак не хотят признать политические реальности и все время выставляют вперед конкуренцию между США и КНР, «на долю которых приходится половина всех расходов на оборону в мире, а их совокупный ВВП примерно равен 33 крупнейшим экономикам мира, вместе взятым» [12]. Эти новые тренды происходят в условиях **жесточайшего информационного противостояния**, участниками которого являются как государственные, так и негосударственные акторы.

2 Формы и способы ведения современной информационной войны

Противостояние, имеющее конечной целью геополитическое превосходство, мировую гегемонию, во все времена велось именно теми средствами, которые соответствовали конкретному уровню технического и научного прогресса в обществе. Русский исследователь Е. Месснер уже в середине XX в. писал о том, что информационное противоборство является инструментом современной войны как **многоаспектный вариант гибридной мировой войны** [5].

В XXI в. это происходит в форме кибервойны, с нацеленными вбросами и атаками на информационные системы противника, а также с планомерными социальными кибератаками, создающими в сознании людей определенный образ мира. Ведется эта война сегодня через Интернет, с широким охватом и достаточно низкой стоимостью (дез-)информационных кампаний, проводимых через социальные сети. Последние являются ценным источником информации о целевых группах, которым должна быть адресована (дез-)информационная деятельность. В частности, активно используются, среди прочего:

- фабрики троллей – организации, нанимающие людей, которые размещают в интернете комментарии в соответствии с целями заказывающей стороны, используя фальшивые профили в социальных сетях;
- боты – программы, автоматически рассылающие сообщения, например, в ответ на появление ключевого слова;
- фальсификация новостей (fake news, deep fake), введение в заблуждение пользователей.

Подмена понятий в европейских СМИ происходит практически ежедневно, когда, например, постоянно утверждается, что в энергетическом кризисе европейских стран «виноват Путин», в то время как от поставок российских энергоносителей преднамеренно отказались сами западные политики в рамках своих девяти санкционных пакетов, которые они ввели за 2022 г. Манипуляции правдой и **искажение фактов** обрели крайне деструктивные формы в период осуществления СВО на Украине. Особенно вопиющим случаем был фейк-ньюс по поводу событий, произошедших в апреле 2022 г. в Буче, где после ухода российских войск к августу 2022 г. было найдено 458 тел, 419 из которых имели следы расстрелов, пыток или забивания до смерти.

Признаки **пропаганды и дезинформации** присутствуют как в социальных сетях, так и в традиционных СМИ. Особенно при освещении военных конфликтов не только пользователи, но и СМИ становятся объектами атак дезинформации и жертвами фальшивой информации. При этом пользователи все больше осознают, что они являются объектами дезинформационной деятельности. Соответственно, идет некий процесс привыкания и происходит соответствующее изменения восприятия и СМИ, и самой действительности. С растущим недоверием к информации, появляющейся в официальном обороте, пользователи Интернета обращаются к альтернативным источникам информации, часто попадая в так наз. «информационный пузырь» (ограниченный доступ к информации, подаваемой «умными алгоритмами» соцсетей на базе предыдущих запросов пользователя). Об этом предупреждал еще в самом начале века М. Кастельс, называя интернет «уникальным слиянием военной стратегии, большой науки и контркультурных инноваций» [3, 333].

Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), являясь **основной движущей силой информационного общества**, привели к взрывному росту разнообразных форм информации. ИКТ формируют важнейшие очертания социальной организации и в корне преобразовывают экономику, сферу образования, государственное управление, коммуникацию в обществе и его демократические институты. Маркеры этих постоянных изменений бывают технологическими, экономическими, профессиональными, пространственными, культурными и т.д. Самыми ощутимыми примерами воздействия этих социальных и технологических изменений стали «твиттер-революции» Ближнего Востока и Северной Африки 2010-2012 гг. и мировой экономический кризис 2008-2013 гг., вызванный чрезмерной ипотечной задолженностью и секьюритизацией и ставший возможным, в том числе, благодаря высокому уровню цифровизации мирового банковского сектора [21].

Информационное противостояние чаще всего разворачивается в сетевом пространстве, где царит принцип равенства всех со всеми, а *коммуникационные* связи являются горизонтальными. При этом **евразийская модель** ведения сетевой информационной войны со стороны России, Китая и т. д. не просто отражает атаки западных контрагентов, а их сверхгосударственные структуры стараются объединять вокруг себя на основе единых геочивилизационных ценностей самых разных акторов из как можно большего числа государств [4, 17].

Формы и способы ведения информационной войны меняются все быстрее – прежде всего из-за стремительного темпа роста ИКТ, которые революционизировали ее. Борьба ведется – в самом широком смысле – за информационно-коммуникационный процесс в целом, и средства на нее тратятся огромные. Еще 25 лет назад в США были созданы специальные «информационные войска ведения информационной войны», работающие со всеми новыми ИКТ [16, 5].

Акторы этого противостояния действуют не всегда централизованно. Если есть отдельные «вертикальные элементы» с **единым центром управления** (как, напр., в России деятельность международного информационного агентства «Россия сегодня»), то нельзя сбрасывать со счетов и генерацию контента, которая в социальных сетях может вестись **на низовом уровне** вполне искренне и без всякого политического заказа. В таких случаях условному центру достаточно распознать активность, таких сил, не мешать им, а при необходимости – поддержать и направить их [8].

Страны БРИКС при этом *находятся* в глобальном информационном противостоянии со странами Запада и в контексте публичной дипломатии. Как бы их СМИ, дипломатические представительства, социальные сети, иные средства «мягкой силы» и другие инициативы по распространению языка и культуры этих стран ни старались, они хоть и продвигают привлекательность стран БРИКС, но пока не дотягивают до уровня ведущих западных держав в этом «соревновании очарования». Экономически, конечно, страны БРИКС, в частности, Россия и Китай, могут бросить **вызов либеральному западному мироустройству** через деятельность своих финансовых институтов, например НБР, но это может иметь успех только в сочетании с инициативами предоставления третьим странам общественных благ, и при успешном решении проблем безопасности в самом широком понимании, в том числе и информационно-технологической безопасности.

Принятая в марте 2023 г. «Концепция внешней политики РФ» предусматривает в качестве одной из мер для «развития безопасного информационного пространства» защиту российского общества от деструктивного иностранного информационно-психологического воздействия» [9, 7].

Актуальная «Стратегия развития информационного общества в РФ на 2017-2030 гг.» тоже подчеркивает «права (российских) граждан на **объективную, достоверную, безопасную информацию** и создание условий для удовлетворения их потребностей в постоянном развитии, получении качественных и достоверных сведений, новых компетенций» (п. 24), и при этом предупреждает, что «повсеместное внедрение иностранных информационных и коммуникационных технологий, в том числе на объектах критической информационной инфраструктуры, усложняет решение задачи по обеспечению защиты интересов граждан и государства в информационной сфере» (п. 15) [6].

Кибервойна и дезинформация являются интегрированными формами в целом **асимметричной информационной войны**, в которой способность Европы противостоять снижается из-за ее вторичной (после США), часто пассивной и реактивной позиции. В заявлении по итогам саммита лидеры БРИКС подчеркнули необходимость «создания на международном уровне открытой, безопасной, стабильной, доступной и мирной ИКТ-среды, активизации сотрудничества в области использования ИКТ и интернета странами БРИКС», а также призывали «к комплексному, сбалансированному, объективному подходу к разработке и обеспечению безопасности продуктов и систем ИКТ» (пп. 23, 24) [22, 8].

3 Роль ИКТ и ИИ в глобальном информационном противостоянии

Стратегические новые технологии, и в первую очередь искусственный интеллект (ИИ), при формировании нового многополярного мира несут в себе неизведанные возможности для технологического и экономического роста, но их внедрение несет в себе невиданные и трудно оценимые риски. Достаточно вспомнить, что разработчики ChatGPT (Microsoft в рамках лаборатории OpenAI) и конкурирующего чат-бота Bard (Google) в 2023 г. сами объявили шестимесчный перерыв в разработке своих систем, потому что не знали (и не знают, видимо), к чему приведут результаты самообучающихся систем, когда они будут в разы умнее человека. По оценкам экспертов, вступительный экзамен LSAT генеративный ИИ уже сдает лучше, чем 88% абитуриентов.

В настоящее время трудно оценить **риски для человечества, сопряженные с применением ИИ**. Пока, наверное, студенты всего мира радуются возможности легко сгенерировать готовые рефераты, не обнаруживаемые системами антиплагиата. Однако во многих банках мира считают, что ИИ облегчит **утечку интеллектуальной собственности** и коммерческой тайны, и что любой обмен с ИИ потенциально может нанести ущерб.

Поскольку ИИ может наряду с верной сгенерировать и распространять и совершенно ложную информацию, а для пользователя разница не очевидна, государства обязательно должны

закрепить в законодательстве жесткие правила, обеспечивающие ответственное использование ИИ. В частности, регуляторы США обсуждают вопрос о предпродажной **сертификации программного обеспечения**, при том, что пока прописана только обязанность производителей ПО проводить собственные тесты.

Насколько важным оружием в информационной войне XXI в. являются средства массовой информации, продемонстрировал всему миру российский международный телеканал RT, созданный под руководством М. Симоньян в противовес американскому CNN и английскому BBC еще в 2005 г. Уже через пять лет его англоязычное издание в рейтинге самых популярных иностранных новостных каналов в США стало вторым после BBC World News, а в Великобритании – третьим [20].

Сегодня канал уже вещает на пяти языках и является бесценным инструментом для распространения российских идей, традиционных ценностей, гуманитарных позиций и культурного наследия, решая тем самым чрезвычайно важные для России задачи «мягкой силы».

Однако, чтобы такая «мягкая сила» России не возобладала, после 2014 г. (присоединения Крыма) этому каналу в Западной Европе объявили настоящую войну, чиня сначала технические препятствия, а потом и вовсе отозвав лицензию на вещание вот так: «Лицензию получили в Сербии. Действует она и в Германии, согласно Европейской конвенции о трансграничном телевидении. Документ дает право транслировать передачи в 22 странах. Берлин признал конвенцию одним из первых, но в случае с RT DE применять ее не хочет» [1].

Уже после февраля 2022 г. к немцам присоединился весь Евросоюз, запретивший также и основной канал RT на английском, Russia Today UK, France, Spanish и агентство «Спутник», парализовав полностью телевизионный новостной проект России [19].

С Китаем Запад ведет менее агрессивную информационную войну. Там, как и везде, интернет **постепенно вытесняет газеты**, и все больше людей полагается на соцсети как надежный и своевременный источник новостей. Большая часть молодежи демонстрирует устойчивую психологическую зависимость, например от соцсети коротких роликов TikTok.

Вещание о «китайском пути» через традиционные международные СМИ становится все менее эффективным и дорогостоящим в эпоху интернета. Поэтому соцсети TikTok и WeChat дают людям возможность распространять новости среди друзей, родственников, коллег и близких, считающих эти новости **больше заслуживающими доверия**, чем новости в традиционных СМИ. Для международной же аудитории работают **новостные сайты**, как Chinadaily.com, Globaltimes.cn, Chinatoday.com и CRI.cn, не имея увязки с популярными западными соцсетями. В них Китай предстает страной, стремящейся принести другим нациям (особенно на богатом ресурсами африканском континенте) мир, стабильность и гармонию через взаимное уважение. Опасным и недружественным действиям Запада противопоставляется **конструктивная роль КНР**.

Динамичность развития сетевого пространства легко подкрепить цифрами: всего за шесть лет своего существования соцсеть TikTok набрала один миллиард пользователей, а на первом месте среди мессенджеров по-прежнему стоит американский WhatsApp, имея 2 млрд пользователей. Но и китайский мессенджер WeChat на сегодня уже набрал 1,336 млрд, – всего за 12 лет. Для сравнения: российский «Телеграм» насчитывает 800 млн активных ежемесячных пользователей, в то время как «X» (бывший «Twitter», запрещенный в РФ) имеет около 300 млн активных подписчиков [13].

Заключение

Подстегнутый отсутствием второго полюса в системе мирового порядка, Запад пытался и продолжает пытаться полностью изолировать Россию и беспрецедентно масштабировал информационную войну. Победа в глобальной информационной войне Запада против новых геополитических соперников не означает полного поражения для России, Китая и других акторов глобального Юга. Растущая опасность атаки в центре информационной войны, несомненно, связана с использованием ИИ. Западный дискурс с его идеологическими установками, господствующими в глобальном информационном пространстве, неизмеримо расширился. Эта реальность требует новых нарративов и средств осуществления информационного противоборства, формирования глобального информационного ландшафта, смыслов, общественной рефлексии при активном сотрудничестве возникающих центров силы.

Литература

1. Битва Германии против России. Кто стоит за блокировкой RT на немецком 24.12. 2021, <https://ria.ru/20211224/germaniya-1765392892.html> (дата обращения: 15.01.2024).
2. Городилов М. Саммит БРИКС – 2023: рассказываем главное, 5.9.2023 <https://journal.tinkoff.ru/news/brics-2023-summit-summary/> (дата обращения 30.09.2023).
3. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М., ИД ГУ ВШЭ, 2000, 608 с.
4. Медовкина Л. Ю. Особенности евразийской модели сетевой войны // The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies, Т. 32, 2020. С. 7-19. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2020.32.7> (дата обращения 30.01.2024).
5. Месснер Е.Э. Всемирная мятежевойна. М., «Кучково поле» (серия Геополитический ракурс), 2004, 512 с.
6. О стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 гг., 09.05.2017, URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения 30.01.2024).
7. Путин В.В. на Заседании дискуссионного клуба «Валдай» 5.10.2023 г. <http://kremlin.ru/events/president/news/72444> (дата обращения 30.11.2023).
8. Тимофеев И. Гибридная война и гибридный мир, 03.10.2023, URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/gibridnaya-voyna-i-gibridnyu-mir/> (дата обращения 30.01.2024).
9. Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70811>, (дата обращения: 16.09.2023).
10. Huntington S. Clash of civilizations. М., AST, 2003, 603 p.
11. Auswärtiges Amt (Hg.) Wehrhaft. Resilient. Nachhaltig. Integrierte Sicherheit für Deutschland. Berlin, Juni 2023, 74 S., URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/publikationen?f=992768%3A510072--1502318%3A2046184&query=Nationale%20Sicherheit> (дата обращения 15.01.2024) .
12. Bekkevold J.I. No, the World Is Not Multipolar, 22.09.2023, URL: https://foreignpolicy.com/2023/09/22/multipolar-world-bipolar-power-geopolitics-business-strategy-china-united-states-india/#cookie_message_anchor (дата обращения 15.01.2024).
13. Dixon S. Most popular messaging apps 2022, 27.07.2022, URL: <https://www.statista.com/statistics/258749/most-popular-global-mobile-messenger-apps/> (дата обращения 02.02.2024).
14. Jowitt K. The New World Disorder. The Leninist Extinction. Berkley. University of California Press, 1992, 345 p.
15. Kennert M. Die Mär von der multipolaren Weltordnung: Hegemonie in der Sicherheitspolitik des 21. Jahrhunderts // Arbeitspapier Sicherheitspolitik, Nr. 5/2015, 4 S.
16. Lewis B.C. Information Warfare / The Final Report of the Snyder Commission, Cheng E., Snyder D.C. (Eds.), Woodrow Wilson School Policy Conference, 1997, 8 p., URL: <https://irp.fas.org/eprint/snyder/infowarfare.htm> published 31.03.2006 (дата обращения 02.12.2023).
17. NDB President Dilma Rousseff Reported to BRICS Leaders, 23.08.2023 <https://www.ndb.int/event/ndb-at-the-15th-brics-summit/> (дата обращения 05.09.2023).
18. Peters M.A. The emerging multipolar world order: A preliminary analysis, Educational Philosophy and Theory, Routledge, London, 2022, 11 p. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00131857.2022.2151896> (дата обращения: 05.01.2024).
19. RT Launches Local Website, Broadcasting in Serbia, 15.11.2022, URL: <https://www.themoscowtimes.com/2022/11/15/rt-launches-local-hub-in-serbia-a79380> (дата обращения: 01.02.2024).
20. Shira D. 'Russia Today' Doubles its U.S. Audience, 7.7.2012, URL: <https://www.russia-briefing.com/news/russia-today-to-double-its-u-s-audience.html/> (дата обращения: 01.11.2023).
21. Webster, F. Theories of the Information Society. 4th ed. Routledge, London and New York, 2014, 416 p.
22. XV BRICS Summit Johannesburg Declaration BRICS and Africa: Partnership for Mutually Accelerated Growth, Sustainable Development and Inclusive Multilateralism. Sandton, Gauteng, 23.08.2023, 26 p., URL: <https://brics2023.gov.za/2023/07/05/summit-declarations/> (дата обращения 15.12.2023).

FORMATION OF A MULTIPOLAR WORLD ORDER UNDER THE CONDITIONS OF A GLOBAL INFORMATION CONFRONTATION

Tatunts, Svetlana A.

*Doctor of sociology, Ph.D. in historical sciences, professor
Lomonosov Moscow State University, Faculty of world politics, full professor
Moscow, Russian Federation
S.Tatunts@fmp.msu.ru*

Abstract

The post-Cold War world order has existed as long as the reality that gave rise to it has existed. The emergence of SCO, BRICS, and other integration groupings outside the framework of US global dominance goes against American national interests. The West's war with the Russian Federation in Ukraine as a substitute for a world war has aggravated the global information confrontation. This conflict looks like a convulsion of the system of order with an "eternal" hegemon, which is experiencing an internal political and worldview crisis. The author's analysis is based on the ideas of the school of political realism and on E. Messner's "rebellion of war" concept of a worldwide asymmetric, psychological warfare. The article takes an in-depth look at the patterns of information warfare in an environment of a disordered world and the confrontation between the global North and new centers of power.

Keywords

world order, information warfare, information and communication technologies (ICT), artificial intelligence (AI), hybrid warfare

References

1. Bitva Germanii protiv Rossii. Kto stoit za blokirovkoj RT na nemeckom? 24.12. 2021, <https://ria.ru/20211224/germaniya-1765392892.html> (accessed 15.01.2024).
2. Gorodilov M. Sammit BRIKS – 2023: rasskazyvaem glavnoe, 5.9.2023 <https://journal.tinkoff.ru/news/brics-2023-summit-summary/> (accessed 30.09.2023).
3. Castells M. Informacionnaja jepoha. Jekonomika, obshhestvo i kul'tura. M., ID GU VShJe, 2000, 608 p.
4. Medovkina L. Ju. Osobennosti evrazijskoj modeli setevoj vojny // The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies, V. 32, 2020. p. 7-19. URL: <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2020.32.7> (accessed 30.01.2024).
5. Messner E.Je. Vsemirnaja mjatezhevojna. M., «Kuchkovo pole» (serija Geopoliticheskij rakurs), 2004, 512 p.
6. O strategii razvitiya informacionnogo obshhestva v RF na 2017–2030 gg., 09.05.2017, URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919> (accessed 30.01.2024).
7. Putin V.V. na Zasedanii diskussionnogo kluba «Valdaj» 5.10.2023, URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72444> (accessed 30.11.2023).
8. Timofeev I. Gibridnaja vojna i gibridnyj mir, 03.10.2023, URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/gibridnaya-vojna-i-gibridnyy-mir/> (accessed 30.01.2024).
9. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 31.03.2023 g. # 229 Ob utverzhdenii koncepcii vneshnej politiki Rossijskoj Federacii. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70811>, (accessed: 16.09.2023).
10. Huntington S. Clash of civilizations. M., AST, 2003, 603 p.
11. Auswärtiges Amt (Hg.) Wehrhaft. Resilient. Nachhaltig. Integrierte Sicherheit für Deutschland. Berlin, Juni 2023, 74 S., URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/publikationen?f=992768%3A510072--1502318%3A2046184&query=Nationale%20Sicherheit> (accessed 15.01.2024).
12. Bekkevold J.I. No, the World Is Not Multipolar, 22.09.2023, URL: https://foreignpolicy.com/2023/09/22/multipolar-world-bipolar-power-geopolitics-business-strategy-china-united-states-india/#cookie_message_anchor (accessed 15.01.2024).

13. Dixon S. Most popular messaging apps 2022, 27.07.2022, URL: <https://www.statista.com/statistics/258749/most-popular-global-mobile-messenger-apps/> (accessed 02.02.2024).
14. Jowitt K. The New World Disorder. The Leninist Extinction. Berkley. University of California Press, 1992, 345 p.
15. Kennert M. Die Mär von der multipolaren Weltordnung: Hegemonie in der Sicherheitspolitik des 21. Jahrhunderts // Arbeitspapier Sicherheitspolitik, Nr. 5/2015, 4 S.
16. Lewis B.C. Information Warfare / The Final Report of the Snyder Commission, Cheng E., Snyder D.C. (Eds.), Woodrow Wilson School Policy Conference, 1997, 8 p., URL: <https://irp.fas.org/eprint/snyder/infowarfare.htm> published 31.03.2006 (accessed 02.12.2023).
17. NDB President Dilma Rousseff Reported to BRICS Leaders, 23.08.2023 <https://www.ndb.int/event/ndb-at-the-15th-brics-summit/> (accessed 05.09.2023).
18. Peters M.A. The emerging multipolar world order: A preliminary analysis, Educational Philosophy and Theory, Routledge, London, 2022, 11 p. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00131857.2022.2151896> (accessed: 05.01.2024)
19. RT Launches Local Website, Broadcasting in Serbia, 15.11.2022, URL: <https://www.themoscowtimes.com/2022/11/15/rt-launches-local-hub-in-serbia-a79380> (accessed 01.02.2024).
20. Shira D. 'Russia Today' Doubles its U.S. Audience, 7.7.2012, URL: <https://www.russia-briefing.com/news/russia-today-to-double-its-u-s-audience.html/> (accessed 01.11.2023)
21. Webster, F. Theories of the Information Society. 4th ed. Routledge, London and New York, 2014, 416 p.
22. XV BRICS Summit Johannesburg Declaration BRICS and Africa: Partnership for Mutually Accelerated Growth, Sustainable Development and Inclusive Multilateralism. Sandton, Gauteng, 23.08.2023, 26 p., URL: <https://brics2023.gov.za/2023/07/05/summit-declarations/> (accessed 15.12.2023).